

Говард Филлипс Лавкрафт

Гарри Гудини

Погребённый с фараонами

(Imprisoned with the Pharaohs)

I

Тайна притягивает тайну. С тех пор как я приобрел широкую известность в качестве исполнителя невероятных трюков, я постоянно попадаю во всякого рода загадочные истории, каковые публика, зная мою профессию, связывает с моими интересами и занятиями. Порой эти истории вполне невинны и тривиальны, порой глубоко драматичны и увлекательны, насыщены роковыми и опасными приключениями, а иной раз даже заставляют меня ударяться в обширные научные и исторические изыскания. О многом я уже рассказывал и буду рассказывать впредь без утайки; но есть один случай, о котором я всегда говорю с большой неохотой, и если я теперь собираюсь это сделать, то лишь по настоятельным и назойливым просьбам издателей данного журнала, до которых дошли неясные слухи об этой истории от моих родственников.

Событие это, до сего дня хранившееся мною в тайне, произошло четырнадцать лет назад, во время моего посещения Египта в качестве обыкновенного туриста. Я молчал о нем по нескольким причинам. Во-первых, мне не хотелось предавать гласности некоторые вполне реальные факты и обстоятельства, о которых даже не догадываются полчища туристов, осаждающих пирамиды, и которые тщательно скрываются властями Каира, хотя последние, конечно, не могут о них не знать. Во-вторых, мне как-то неудобно излагать инцидент, где такую важную роль играла моя собственная неумная фантазия. Происходило ли то, свидетелем чему я был, на самом деле — с достоверностью сказать нельзя; скорее, случившееся следует рассматривать как следствие моих тогдашних штудий в области египтологии и навеянных ими размышлений, на которые меня к тому же естественным образом наталкивала окружающая обстановка. Подогретое названными причинами воображение в сочетании с возбуждением, явившимся результатом действительного происшествия, — все это, без сомнения, и привело к кошмару, увенчавшему ту давнюю фантастическую ночь.

В январе 1910 года, отработав по контракту в Англии, я подписал договор на турне по театрам Австралии. Условия договора предоставляли мне возможность самому выбрать сроки поездки, и я решил воспользоваться случаем и совершить одно из тех путешествий, до коих я большой охотник. Вместе с женой мы без спешки проехали с севера на юг всю Францию и в Марселе сели на пароход «Мальва», направлявшийся в Порт-Саид. Оттуда я намеревался отправиться в экскурсию по главным историческим достопримечательностям Нижнего Египта и уж затем отплыть в Австралию.

Вояж получился очень милым, в том числе и благодаря нескольким забавным происшествиям, от которых ни один иллюзионист не застрахован даже тогда, когда находится на отдыхе. Я предполагал держать свое имя в секрете, дабы во время путешествия меня никто не беспокоил; но среди пассажиров оказался один факир, чьи настойчивые потуги ошеломить пассажиров показом самых заурядных трюков были настолько смехотворны, что я не мог удержаться от соблазна поставить его на место и повторил те же фокусы с гораздо большим профессионализмом, в результате чего мое инкогнито было безвозвратно погублено. Я рассказываю об этом не ради красного словца, но с учетом тех последствий, к которым привела моя неосторожность и которые мне следовало предусмотреть, прежде чем разоблачать себя перед целой толпой туристов, готовых вскоре рассеяться по долине Нила. Куда бы я отныне ни направился, меня всюду обгоняла моя известность, лишая нас с супругой спокойствия, к которому мы так стремились. Путешествуя в поисках диковин, я сам зачастую становился объектом разглядывания как своего рода диковина.

Отправившись в Египет за яркими и мистическими впечатлениями, мы были немало разочарованы, когда по прибытии в Порт-Саид увидели одни невысокие песчаные дюны, плавающие в мелкой воде буйки и типичный европейский городок, где все было скучно и неинтересно, за исключением разве что громадной статуи Лессепса. Тем сильнее охватило нас желание увидеть что-нибудь более заслуживающее внимания, и, посоветовавшись, мы решили не мешкая ехать в Каир, к пирамидам, а оттуда — в Александрию, где можно будет сесть на корабль, отплывающий в Австралию, а между делом осмотреть все те греко-римские достопримечательности, которыми изобилует эта древняя метрополия.

Путешествие поездом было не из худших: за какие-то четыре с половиной часа мы успели увидеть значительную часть Суэцкого канала, вдоль которого железная дорога тянется до самой Исмаилии, а немного погодя и ощутить вкус Древнего Египта, зацепив взглядом краешек канала с пресной водой, прорытого еще в эпоху Среднего царства и недавно восстановленного. Но вот наконец и Каир, мерцающий огнями в сгущающихся сумерках, предстал перед нами, как некое созвездие, тусклый блеск которого превратился в ослепительное сияние, когда мы прибыли на грандиозный центральный вокзал.

И вновь нас постигло разочарование, ибо все, что мы увидели, оказалось в европейском стиле, не считая нарядов и лиц. Банальнейший подземный переход вел на площадь, запруженную экипажами, такси, трамваями и залитую ярким светом электрических огней на высоченных зданиях; и даже театр, где меня тщетно уговаривали выступить и куда я впоследствии попал как зритель, незадолго до нашего приезда был переименован в «Американский космограф». Намереваясь остановиться в отеле «Шепард», мы взяли такси и помчались по широким авеню с фешенебельной застройкой; и среди окружившего нас в отеле комфорта (в основном, англо-американского образца), среди всех этих лифтов и вышколенной прислуги волшебный Восток с его седой стариной представлялся нам чем-то бесконечно далеким и нездешним.

Однако уже на другой день мы с наслаждением окунулись в самую гущу атмосферы «Тысячи и одной ночи», и в лабиринте улиц, в экзотических контурах Каира на фоне неба, казалось, вновь ожил сказочный Багдад времен Гаруна аль-Рашида. Сверяясь по путеводителю, мы миновали площадь Эзбекис и двинулись по улице Муски на восток, в сторону кварталов, населенных коренными жителями. Довольно скоро мы очутились в руках энергичного «чичероне», который, как я должен признать, несмотря на все позднейшие события, был мастером своего дела.

Тогда я еще не понимал, какую ошибку совершил, не обратившись в отеле к услугам официального гида. Теперь перед нами стоял гладко выбритый, сравнительно аккуратный субъект с удивительно глухим голосом; внешне он напоминал фараона, сошедшего с древней фрески, и представился нам как Абдул Раис эль-Дрогман. Было очевидно, что он пользуется большим авторитетом среди прочих представителей своего ремесла; правда, в полиции нам потом сообщили, что человек под таким именем им не известен, что слово «раис», по всей видимости, служит частью обращения к любому уважаемому человеку, а «Дрогман» — это, без сомнения, не что иное, как искаженная форма слова «драгоман», обозначающего руководителя туристических групп.

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы раньше только читали или мечтали. Старый Каир уже сам по себе — город-сказка, город-греза: лабиринты узких улочек, окутанных таинственными благовониями; балконы самых прихотливых форм, сходящиеся почти вплотную над вымощенными булыжником мостовыми; типично азиатский водоворот уличного движения с его многоязыким гамом, шелканьем бичей, дребезжанием повозок и скрипом телег, звоном монет и криком ослов; калейдоскоп цветастых одежд, тюрбанов, чадр и фесок; водоносы и дервиши, собаки и кошки, гадалки и брадобреи; а надо всем этим — причитания нищих слепцов, скрючившихся в своих нишах, и заунывные азаны муэдзинов на минаретах, тонко вычерчивающихся на фоне яркого, безукоризненно синего неба.

Не менее экзотическими оказались и крытые базарные ряды, где к тому же было не так шумно. Пряности, духи, ароматические шарики, ковры, шелка, медь; старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих сосудов с ароматическими смолами, рядом юноши, весело переговариваясь, толкут горчичные зерна в углублении капители древнеримской классической колонны коринфского ордера, завезенной сюда, вероятно, из соседнего Гелиополя, где размещался один из трех египетских легионов императора Августа. А еще мечети и музей — мы осмотрели их все, при этом силясь сохранить навеянный арабской улицей жизнерадостный настрой, когда на нас хлынули темные чары Египта фараонов, бесценные сокровища которого предлагал нашему взору музей. Большого мы пока и не искали, а потому сосредоточили свое внимание на средневековой сарацинской роскоши халифов, пышные надгробия-мечети которых составляют помпезный феерический некрополь на краю Аравийской пустыни.

Напоследок Абдул сводил нас по улице Шариа-Мухаммед-Али к старинной мечети султана Хасана и воротам Баб-эль-Азаб с башнями по бокам, сразу за которыми проход меж двух круто поднимающихся стен ведет к величественной цитадели, возведенной самим Саладином из блоков разрушенных пирамид. Солнце уже заходило, когда мы взобрались на эту кручу, обошли кругом современную мечеть Мухаммеда Али и, встав у

парапета, окинули взором с головокружительной высоты волшебный Каир, весь в золоте резных куполов, воздушных минаретов и цветущих садов.

Высоко над городом возносился огромный романский купол нового музея, а за ним, по другую сторону загадочного желтого Нила, отца времен и династий, таили вечную угрозу пески Ливийской пустыни, волнистые, переливающиеся всеми цветами радуги, стерегущие темные тайны веков.

Вслед за багряным закатом пришел пронизывающий холод египетской ночи. Глядя на солнце, балансирующее на краю мира, как древний бог Гелиополя Ра-Хараhti, или Солнце горизонта, мы четко различили на фоне алого пожара зари зловещие очертания пирамид Гизы, этих древних гробниц, на которых к тому времени, когда Тутанхамон всходил на золотой престол в далеких Фивах, уже лежала пыль тысячелетий. И тогда нам стало ясно, что Каира сарацинского с нас хватит и настала пора прикоснуться к сокровенным тайнам Египта изначального — страны Ра и Амона, Исиды и Осириса.

Экскурсия к пирамидам состоялась на следующий день. В легком двухместном экипаже мы пересекли остров Гезиру с его гигантскими деревьями и по небольшому мосту, выстроенному в английском стиле, выехали на западный берег. Далее наш путь лежал меж двух рядов внушительной высоты деревьев, а затем мимо обширного зоологического сада в сторону Гизы, пригорода Каира, где впоследствии был воздвигнут мост, соединяющий Гизу непосредственно с Каиром. Свернув на Шариа-эль-Харам, мы миновали район зеркально-гладких каналов и убогих туземных деревушек, и вот наконец впереди замаячила цель наших исканий, проступая сквозь рассветную дымку и отражаясь в перевернутом виде в придорожных лужах. Воистину, сорок веков взирали на нас с этой высоты, как говорил Наполеон своим солдатам.

Дорога взмыла круто вверх, и вскоре мы достигли пункта пересадки между трамвайной станцией и отелем «Менахаус». Мы не успели оглядеться, как наш проводник уже раздобыл билеты на посещение пирамид и нашел общий язык с толпой шумных и агрессивных бедуинов, которые жили в соседней деревеньке, нищей и грязной, и приставали ко всем путешественникам. Абдул держался с достоинством и не только не подпустил никого к нам, но даже раздобыл у туземцев пару отличных верблюдов для меня и жены и мула для себя, а также нанял группу мальчишек и взрослых мужчин в качестве погонщиков. Все это было, впрочем, совершенно излишне, да к тому же и накладно, ибо расстояние, которое нам предстояло преодолеть, было столь незначительным, что вполне можно было обойтись без верблюдов. Но мы не пожалели о том, что пополнили свой опыт представлением об этом довольно неудобном средстве передвижения по пустыне.

Пирамиды Гизы располагаются на высоком скалистом плато по соседству с самым северным из царских и аристократических некрополей, построенных в окрестностях ныне не существующего города Мемфиса, который находился на том же берегу Нила, что и Гиза, но только чуть южнее, и процветал в период между 3400 и 2000 годами до Рождества Христова. Крупнейшая из пирамид, так называемая Большая пирамида, стоит ближе всех остальных к современной дороге. Она была возведена фараоном Хеопсом, или Хуфу, около 2800 года до нашей эры; высота ее составляет более 450 футов. К

юго-западу от нее в один ряд следуют пирамиды Хефрена и Микерина. Первая из них была сооружена спустя поколение после пирамиды Хеопса и имеет чуть меньшую высоту, хотя и кажется более высокой оттого, что расположена на возвышенном месте. Пирамида Микерина, построенная около 2700 года, значительно уступает по высоте двум первым. К востоку от второй пирамиды, на самом краю плато, возвышается чудовищный Сфинкс — немой, загадочный и умудренный знаниями тысячелетий. Он стоит здесь с незапамятных времен, и никому неизвестно, каков был его первоначальный облик, потому что в правление фараона Хефрена черты лица его были изменены с целью придать им сходство с ликом царственного реставратора.

По соседству с тремя великими пирамидами находится также множество второстепенных пирамид; некоторые неплохо сохранились, от других же остались жалкие развалины. Кроме того, все плато испещрено могилами египетских вельмож. Гробницы эти изначально представляли собой глубокие погребальные ямы, или камеры, с установленными над ними мастабами — каменными сооружениями в форме скамей. Надгробия такого рода были обнаружены в других мемфисских некрополях; образцом их может считаться гробница Пернеба, выставленная в нью-йоркском музее Метрополитен. В Гизе, однако, все видимые следы мастаб оказались либо уничтоженными временем, либо расхищенными любителями поживы, и только вырубленные в скалистом грунте камеры, одни из которых по-прежнему занесены песком, другие расчищены археологами, свидетельствуют о том, что здесь некогда находились захоронения. С каждой могилой соединялась своего рода часовня, где жрецы и родня предлагали пищу и молитву витающему над усопшим ка, или его жизненному началу. Часовни малых гробниц размещались в уже упомянутых надстройках-мастабах; похоронные же часовни пирамид, где покоился царственный прах фараонов, представляли собой как бы отдельные храмы, каждый из которых располагался к востоку от своей пирамиды и соединялся дорожкой с довольно помпезным парадным входом, находившимся на краю скалистого плато.

Вход в храм второй пирамиды, почти погребенный под песчаными заносами, зияет бездонной глубиной к юго-востоку от Сфинкса. Традиция упорно именует эти руины «Храмом Сфинкса», что, может быть, справедливо, если, конечно, лицо Сфинкса на самом деле представляет собой подлинное изображение Хефрена, строителя второй пирамиды. Самые чудовищные слухи ходят о том, как выглядел Сфинкс до Хефрена, — но каковы бы ни были изначальные черты его лица, монарх заменил их своими собственными, чтобы люди могли глядеть на колосса без содрогания.

Именно в огромном входном храме неподалеку от Сфинкса была найдена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в Египетском музее; я сам стоял перед ней, охваченный благоговейным трепетом. Не знаю, раскопано ли это сооружение к настоящему дню, но тогда, в 1910 году, большая его часть оставалась под землей, и вход туда на ночь надежно запирался. Раскопками занимались немцы, так что весьма вероятно, что довести дело до конца им помешала война или что-нибудь еще. Учитывая то, что мне самому довелось пережить, а также кое-какие слухи, имеющие хождение среди бедуинов и почти неизвестные и, уж во всяком случае, не принимаемые на веру в Каире, я бы много отдал за то, чтобы узнать, чем кончилась история с одним

колодцем в поперечной галерее, где в свое время были обнаружены статуи фараона в довольно странном соседстве со статуями бабуинов.

Дорога, по которой мы следовали на верблюдах в то утро, описывала крутую дугу, минуя деревянное здание полицейского участка, почту, аптеку и магазины, а затем сворачивала на юг и далее на восток, делая, таким образом, почти полный круг и одновременно поднимаясь на плато, так что мы даже не заметили, как очутились лицом к лицу с пустыней с подветренной стороны от Большой пирамиды. Словно неким циклопом было воздвигнуто грандиозное сооружение, восточную грань которого мы теперь огибали, глядя на простирающуюся далеко внизу долину с малыми пирамидами. Еще дальше, к востоку от этих пирамид, сверкал древний Нил, а к западу от них мерцала вечная пустыня. Совсем рядом с нами устрашающе высились три главные пирамиды. У самой крупной из них полностью отсутствовала наружная облицовка, за счет чего были видны громадные глыбы, составляющие ее основу. У двух других тут и там виднелись ладно пригнанные куски облицовки, благодаря которой поверхность пирамид в свое время выглядела ровной и гладкой.

Мы спустились к Сфинксу и застыли перед ним, не в силах произнести ни слова, как бы зачарованные его тяжелым невидящим взглядом. На его могучей каменной груди различался символ Ра-Харахти, за изображение которого ошибочно принимали Сфинкса в эпоху поздних династий, и, хотя каменная плита между огромными лапами чудовища была покрыта песком, мы вспомнили слова, начертанные на ней Тутмосом IV, и о видении, что посетило его, когда он был еще царевичем. С этого момента улыбка Сфинкса стала вселять в нас безотчетный ужас, и в памяти нашей всплыли легенды о подземных переходах под исполином, уходящих глубоко вниз, в такие бездны, о которых даже страшно подумать, — бездны, связанные с тайнами более древними, чем тот Египет, который раскапывают современные археологи, и имеющие зловещее отношение к наличию в древнем пантеоне долины Нила безобразных богов с головами животных. Именно в этот миг я впервые задался праздным вопросом, все кошмарное значение которого прояснилось лишь много часов спустя.

Тем временем к нам стали присоединяться другие туристы, и мы проследовали к погребенному под заносами песка Храму Сфинкса. Он находится в пятидесяти ярдах к юго-востоку от гиганта и уже упоминался мною как парадный вход в коридор, ведущий в погребальный храм Второй пирамиды, расположенный на плато. Большая часть храма все еще оставалась не раскопанной, и, хотя нас провели по современному коридору в алебастровую галерею, а оттуда в вестибюль с колоннами, в меня закралось подозрение, что Абдул и местный служитель-немец показали нам далеко не все, что заслуживало внимания.

Затем мы совершили традиционную прогулку по плато с пирамидами, в ходе которой осмотрели Вторую пирамиду с характерными руинами погребального храма к востоку от нее, Третью пирамиду с ее миниатюрными южными спутницами и разрушенным восточным храмом, каменные надгробия и могилы представителей четвертой и пятой династий и, наконец, знаменитую «гробницу Кемпбелла», зияющую черным провалом в пятьдесят три фута глубиной с находящимся на дне саркофагом. Один из наших

погонщиков очистил последний от песка, спустившись в головокружительную бездну на веревке.

Внезапно до нас донеслись крики со стороны Большой пирамиды, где группу туристов буквально осаждала толпа бедуинов, наперебой предлагавших продемонстрировать быстроту в пробежках на вершину пирамиды и обратно. Рекордное время для такого подъема и спуска, как говорят, составляет семь минут, однако некоторые крепкие мужчины и молодые парни уверяли нас, что смогут уложиться в пять, если только им будет предложен, так сказать, необходимый стимул в виде щедрого бакшиша.

Никакого стимула они не получили, зато мы сами в сопровождении Абдула поднялись на вершину пирамиды, откуда открывался непревзойденно величественный вид не только на Каир, который виднелся на фоне золотисто-лиловых холмов, но и на все пирамиды в окрестностях Мемфиса — от Абу-Роаша на севере до Дашура на юге. Саккарская ступенчатая пирамида, представляющая собой переходную форму между невысокой мастабой и собственно пирамидой, заманчиво четко вырисовывалась вдалеке среди песков. Именно рядом с этим переходным сооружением была в свое время обнаружена знаменитая гробница Пернеба, то есть более чем в четырехстах милях к северу от долины Фив, где покоится Тутанхамон. И в который уже раз я словно онемел, объятый неизъяснимым трепетом. Глубокая древность, подступающая со всех сторон, и тайны, которые, казалось, хранил в себе каждый из этих памятников старины, наполнили меня таким благоговением, какого я прежде не испытывал.

Измученные восхождением и докучливыми бедуинами, поведение которых выходило за рамки всех приличий, мы почли за благо избавиться себя от экскурсий внутрь пирамид, куда вели очень тесные и душные проходы (на наших глазах несколько неугомонных туристов готовились к посещению самого крупного из памятников — пирамиды Хеопса). Оплатив с лихвой и отпустив свой местный эскорт, мы пустились в обратный путь, припекаемые послеполуденным солнцем и опекаемые верным Абдулом Раисом. Лишь на половине пути мы пожалели о своей нелюбознательности. Ибо о нижних коридорах пирамид — коридорах, не упоминаемых в путеводителях, — ходили самые фантастические слухи; было также известно, что археологи, которые открыли эти коридоры и приступили к их обследованию, тут же заблокировали входы в них и с той поры держат их местонахождение в тайне.

Разумеется, все эти сплетни были по большей части безосновательны, по крайней мере на первый взгляд; и все же то упорство, с каким проводился запрет на посещение пирамид по ночам, а самых нижних ходов и склепа Большой пирамиды — независимо от времени суток, наводило на некоторые размышления. Впрочем, что касается второго запрета, то причиной ему, вероятно, служило опасение, что психологическое воздействие на посетителя может оказаться слишком сильным: согнувшийся в три погибели бедняга будет чувствовать себя как бы погребенным под гигантской каменной грудой, где единственной связью с внешним миром является узкий туннель, по которому можно передвигаться лишь ползком и вход в который в любой момент может быть завален в результате случайности или злого умысла. Одним словом, все это звучало столь загадочно и интригующе, что мы решили при первой же возможности нанести

пирамидам повторный визит. Мне эта возможность представилась гораздо ранее, чем я мог ожидать.

В тот же вечер, когда наши спутники, несколько утомленные напряженной программой дня, устроились отдыхать, мы с Абдулом пошли прогуляться по живописным арабским кварталам. Я уже любовался ими при дневном свете, и мне не терпелось узнать, как выглядят эти улицы и базары в сумерках, когда чередование сочных густых теней с мягкими закатными лучами должно лишь подчеркивать их своеобразную прелесть. Толпы прохожих редели, но в городе было по-прежнему многолюдно. Проходя по рынку медников Сукен-Наххасин, мы наткнулись на компанию веселящихся бедуинов, которыми, по всем признакам, верховодил молодой парень с грубыми чертами лица и в лихо заломленной набекрень феске. Он еще издали нас приметил, и, судя по тому далеко не дружелюбному взгляду, которым он одарил Абдула, мой верный проводник был здесь хорошо известен и, вероятно, слыл за человека насмешливого и заносчивого.

Возможно, юнца возмущала та странная копия полуулыбки Сфинкса, которую я сам столь часто замечал на лице Абдула и которая вызывала во мне любопытство пополам с раздражением; а может быть, ему был неприятен глухой, как бы замогильный тембр голоса моего проводника. Как бы то ни было, обмен ругательствами и поношениями с упоминанием имен родных и близких состоялся незамедлительно и носил весьма оживленный характер. Этим, однако, дело не кончилось. Али Зиз, как звал Абдул своего обидчика, когда не употреблял более энергичных прозвищ, принялся дергать моего спутника за халат, тот не заставил себя ждать с ответным действием, и вот уже оба неприятеля самозабвенно тузили друг друга. Еще немного, и внешний вид соперников был бы изрядно попорчен, тем более что они уже потеряли свои головные уборы, составлявшие предмет священной гордости обоих, но тут вмешался я и силой разнял драчунов.

Поначалу обе стороны не слишком благосклонно отнеслись к моим действиям, однако в конце концов пусть не мир, но перемирие состоялось. Противники в угрюмом молчании стали приводить в порядок свою одежду. Немного поостыв, каждый из них стал держаться с необыкновенным достоинством, и эта резкая перемена выглядела довольно комично. Затем неприятели заключили своего рода договор чести, являющийся в Каире, как я вскоре узнал, традицией, освященной веками. В соответствии с договором спор предстояло уладить посредством ночного поединка на кулаках на вершине Большой пирамиды после ухода последнего любителя поглазеть на пирамиды при лунном свете. Каждый из дуэлянтов обязывался привести с собой секундантов. Поединок должен был начаться в полночь и состоять из нескольких раундов, проводимых в как можно более цивилизованной манере.

Много было в упомянутых условиях такого, что возбудило во мне живейший интерес. Дуэль уже сама по себе обещала быть не просто ярким, но и уникальным зрелищем, а когда я представил себе сцену борьбы на этой древней громаде, что высится над допотопным плато Гизы при бледном свете луны, воображение мое распалилось еще сильнее. Абдул охотно согласился принять меня в число своих секундантов, и весь оставшийся вечер мы рыскали с ним по всевозможным притонам в самых злачных районах города — преимущественно к северо-востоку от площади Эзбекис, — где он

вылавливал самых махровых головорезов и сколачивал из них отборную шайку, которой суждено было стать, так сказать, фоном баталии.

Уже минуло девять, когда наша компания верхом на ишаках, прозванных в честь царственных либо часто поминаемых туристами особ вроде Рамзеса, Марка Твена, Дж. П. Моргана и Миннегаги, неторопливо двинулась через лабиринты улиц, минуя то восточные, то европейские кварталы. По мосту с бронзовыми львами мы пересекли мутные воды Нила, утыканного лесом мачт, и легким галопом направились по обсаженной деревьями дороге, ведущей в Гизу. Путь наш длился немногим более двух часов. Подъезжая к месту, мы встретили остатки туристов, возвращавшихся в Каир, и помахали рукой последнему трамваю, следовавшему туда же. Наконец мы остались лицом к лицу с ночью, древностью и луной.

А потом перед нами выросли пугающие громады пирамид. Казалось, они таили в себе некую допотопную угрозу, чего я не заметил прежде, при дневном свете. Теперь же даже наименьшая из них заключала в себе как бы намек на что-то потустороннее. Впрочем, разве не в этой именно пирамиде во времена шестой династии была погребена царица Нитокрис — коварная Нитокрис, пригласившая однажды всех своих врагов на пир в храме под Нилом и утопившая гостей, приказав отворить шлюзы? Я вспомнил, что о Нитокрис среди арабов ходят странные слухи и что при определенных фазах луны они сторонятся Третьей пирамиды. Да и не эту ли царицу имел в виду поэт Томас Мур, когда слагал следующие строки (их любят повторять мемфисские лодочники):

*Живет в подводных тайниках,
Вся в золоте и жемчугах,
Та нимфа, что слывет в веках
Хозяйкой Пирамиды.*

Как мы ни спешили, Али Зиз и его клеветы оказались расторопнее. Мы еще издали заметили их ишаков: фигуры животных четко вырисовывались на фоне пустынного плато. Вместо того чтобы следовать прямой дорогой к отелю «Мена-хаус», где нас могла увидеть и задержать полусонная и обычно безобидная полиция, мы свернули к Кафрел-Хараму, убогой туземной деревушке, расположенной рядом со Сфинксом и послужившей местом стоянки для ишаков Али Зиза. Грязные бедуины разместили своих верблюдов и ишаков в каменных гробницах придворных Хефрена, а затем мы вскарабкались по скалистому склону на плато и песками прошли к Большой пирамиде. Арабы шумным роем обсыпали ее со всех сторон и принялись взбираться по стертým каменным ступеням. Абдул Раис предложил мне свою помощь, но я в ней не нуждался.

Почти каждому, кто путешествовал по Египту, известно, что исконная вершина пирамиды Хеопса источена веками, в результате чего теперь ее венчает относительно плоская площадка в двенадцать ярдов по периметру. На этом-то крохотном пятачке мы и расположились, образовав как бы живой ринг, и уже через несколько секунд бледная луна пустыни сардонически скалилась на поединок, который, если не брать в расчет характер выкриков со стороны болельщиков, вполне мог бы происходить в любом американском спортивном клубе низшей лиги. Здесь так же, как и у нас, не ощущалось нехватки в запрещенных приемах, и моему не вполне дилетантскому глазу практически

каждый выпад, удар и финт говорил о том, что противники не отличаются разборчивостью в методах. Все это длилось очень недолго, и, несмотря на свои сомнения относительно использовавшихся приемов, я ощутил нечто вроде гордости, когда Абдул Раис был объявлен победителем.

Примирение свершилось с необыкновенной быстротой, и среди последовавших за ним объятий, возлияний и песнопений я готов был усомниться в том, что ссора имела место на самом деле. Как ни странно, но мне также показалось, что я в большей степени приковываю к себе внимание, нежели бывшие антагонисты. Пользуясь своими скромными познаниями в арабском, я заключил из их слов, что они обсуждают мои профессиональные выступления, где я демонстрирую свое умение освободиться от самых различных пут и выходить из импровизированных темниц. Манера, в которой велось обсуждение, отличалась не только изумительной осведомленностью обо всех моих подвигах, но и явным недоверием по отношению к ним. Только теперь я постепенно стал осознавать, что древняя египетская магия не исчезла бесследно, но оставила после себя обрывки тайного оккультного знания и жреческой культовой практики, каковые сохранились среди феллахов в форме суеверий столь прочных, что ловкость любого заезжего хахви, или фокусника, вызывает у них справедливую обиду и подвергается сомнению. Мне снова бросилось в глаза разительное сходство моего проводника Абдула с древнеегипетским жрецом, или фараоном, или даже улыбающимся Сфинксом, я вновь услышал его глухой, утробный голос — и содрогнулся.

Именно в этот момент, как бы в подтверждение моих мыслей, произошло то, что заставило меня проклинать ту доверчивость, с которой я принимал события последних часов за чистую монету, между тем как они представляли собой чистой воды инсценировку, притом весьма грубую. Без предупреждения (и я думаю, что по сигналу, незаметно поданному Абдулом) бедуины бросились на меня всей толпой, и вскоре я был связан по рукам и ногам, да так крепко, как меня не связывали ни разу в жизни — ни на сцене, ни вне ее.

Я сопротивлялся, сколько мог, но очень скоро убедился, что в одиночку мне не ускользнуть от двадцати с лишним дюжих дикарей. Мне связали руки за спиной, согнули до предела ноги в коленях и намертво скрепили между собой запястья и лодыжки. Удушающий кляп во рту и повязка на глазах дополнили картину. Затем арабы взвалили меня на плечи и стали спускаться с пирамиды. Меня подбрасывало при каждом шаге, а предатель Абдул без устали говорил мне колкости. Он издевался и глумился от души; он заверял меня своим утробным голосом, что очень скоро мои «магические силы» будут подвергнуты величайшему испытанию, которое живо собьет с меня спесь, приобретенную в ходе выступлений в Америке и Европе. Египет, напомнил он мне, стар, как мир, и таит в себе множество загадочных первозданных сил, непостижимых для наших современных знатоков, все попытки которых поймать меня в ловушку столь дружно провалились.

Как далеко и в каком направлении меня волокли, я не знаю — положение мое исключало всякую возможность точной оценки. Определенно могу сказать одно: расстояние не могло быть значительным, поскольку те, кто нес меня, ни разу не ускорили шага, и в то же время я находился в подвешенном состоянии на удивление недолго. Вот

именно ошеломляющая краткость пройденного пути и заставляет меня вздрагивать всякий раз, как я подумаю о Гизе и этом плато; сама мысль о близости к каждодневным туристическим маршрутам того кошмара, что существовал там в описываемое время и, должно быть, существует по сей день, повергает меня в трепет.

Та чудовищная аномалия, о которой я веду речь, обнаружилась не сразу. Опустив меня на песок, мошенники обвязали мою грудь веревкой, протащили меня несколько футов и, остановившись возле ямы с обрывистыми краями, погрузили меня в нее самым невежливым образом. словно целую вечность, а то и не одну, я опускался, ударяясь о неровные стены узкого колодца, вырубленного в скале. Поначалу я думал, что это одна из тех погребальных шахт, которыми изобилует плато, но вскоре чудовищная, почти неправдоподобная глубина ее лишила меня всех оснований для каких бы то ни было предположений.

С каждой секундой весь ужас переживаемого мною становился все острее. Что за абсурд — так бесконечно долго опускаться в дыру, проделанную в сплошной вертикальной скале, и до сих пор не достигнуть центра земли! И разве могла веревка, изготовленная человеческими руками, оказаться настолько длинной, чтобы спустить меня в эти адские бездонные глубины? Проще было предположить, что мои чувства вводят меня в заблуждение. Я и по сей день не уверен в обратном, потому что знаю, сколь обманчивым становится чувство времени, когда ты перемещаешься против своей воли или когда твое тело находится в неудобном согнутом положении. Вполне я уверен лишь в одном: до поры до времени я сохранял логическую связность мыслей и не усугублял и без того ужасную в своей реальности картину продуктами собственного воображения. Самое большее, что могло иметь место, — это своего рода мозговая иллюзия, которой бесконечно далеко до настоящей галлюцинации.

Вышеописанное, однако, не имеет отношения к моему первому обмороку. Суровость испытания шла по возрастающей, и первым звеном в цепи всех последующих ужасов явилось весьма заметное прибавление в скорости моего спуска. Те, кто стоял наверху и травил этот нескончаемо длинный трос, похоже, удесятерили свои усилия, и теперь я стремительно мчался вниз, обдираясь о грубые и как будто даже сужавшиеся стены колодца. Моя одежда превратилась в лохмотья, все тело сочилось кровью — ощущение от этого по неприятности своей превосходило самую мучительную и острую боль. Не меньшим испытаниям подвергался и мой нюх: поначалу едва уловимый, но постепенно все усиливавшийся запах затхлости и сырости не походил на все знакомые мне запахи; он заключал в себе элемент пряности и даже благовония, что делало его каким-то противоестественным.

Затем произошел психический катаклизм. Он был чудовищным, он был ужасным — не поддающимся никакому членораздельному описанию, ибо охватил всю душу целиком, не упустив ни единой ее части, которая могла бы контролировать происходящее. Это был экстаз кошмара и апофеоз дьявольщины. Внезапность перемены можно назвать апокалиптической и демонической: еще только мгновение назад я стремительно низвергался в узкий, ощерившийся миллионом клыков колодец нестерпимой пытки, но уже в следующий миг я мчался, словно на крыльях нетопыря, сквозь бездны преисподней; взмывая и пикируя, преодолевал бессчетные мили безграничного

душного пространства; то воспарял в головокружительные высоты ледяного эфира, то нырял так, что захватывало дух, в засасывающие глубины всепожирающего смердящего вакуума...

Благодарение Богу, наступившее забытие вызволило меня из когтей сознания, терзавших мою душу подобно гарпиям и едва не доведших меня до безумия! Эта передышка, как бы ни была она коротка, вернула мне силы и ясность ума, достаточные для того, чтобы вынести еще более мерзкие порождения вселенского безумия, что притаились на моем пути.

II

Постепенно я приходил в чувство после жуткого полета через стигийские бездны. Процесс оказался чрезвычайно мучительным и был окрашен фантастическими грезами, в которых своеобразно отразилось то обстоятельство, что я был связан. Содержание этих грез представлялось мне вполне отчетливо лишь до тех пор, пока я их испытывал; потом оно как-то сразу потускнело в моей памяти, и последующие страшные события, реальные или только воображаемые, оставили от него одну голую канву. Мне чудилось, что меня сжимает огромная желтая лапа, волосатая пятипалая когтистая лапа, которая воздвиглась из недр земли, чтобы захватить и раздавить меня. И тогда я понял, что эта лапа и есть Египет. В забытии я оглянулся на происшествия последних недель и увидел, как меня постепенно, шаг за шагом, коварно и исподволь обольщал и завлекал некий злой дух древнего нильского чародейства, что был в Египте задолго до появления первого человека и пребудет в нем, когда исчезнет последний.

Я увидел весь ужас и проклятье египетской древности с ее неизменными страшными приметами — усыпальницами и храмами мертвых. Я наблюдал фантазмагорические процессии жрецов с головами быков, соколов, ибисов и кошек; призрачные процессии, непрерывно шествующие по подземным переходам и лабиринтам, обрамленным гигантскими пропилями, рядом с которыми человек выглядит как жалкая мошка, и приносящие диковинные жертвы неведомым богам. Каменные колоссы шагали в темноте вечной ночи, гоня стада скалящихся человекофинксов к берегам застывших в неподвижности безбрежных смоляных рек. И за всем этим пряталась неистовая первобытная ярость некромантии, черная и бесформенная; она жадно ловила меня во мраке, чтобы разделаться с духом, посмевающим ее передразнивать.

В моем дремлющем сознании разыгралась зловещая драма ненависти и преследования. Я видел, как черная душа Египта выбирает меня из многих и вкрадчивым шепотом призывает к себе, очаровывая наружным блеском и обаянием сарацинства и при этом настойчиво толкая в древний ужас и безумие фараонства, в катакомбы своего мертвого и бездонного сердца.

Постепенно видения стали принимать человеческие обличья, и мой проводник Абдул Раис предстал предо мной в царском облачении с презрительной усмешкой Сфинкса на устах. И тогда я увидел, что у него те же черты лица, что и у Хефрена Великого, воздвигшего Вторую пирамиду, изменившего внешность Сфинкса так, чтобы тот походил на него самого, и построившего гигантский входной храм с его бесчисленными

коридорами, тайну которых не ведают отрывшие их археологи — о ней знают лишь песок да немая скала. Я увидел длинную, узкую, негнущуюся руку Хефрена, точно такую, какая была у статуи в Египетском музее — статуи, найденной в жутком входном храме. Теперь я поразился тому, что не вскричал от ужаса в тот момент, когда заметил, что точно такие же руки были у Абдула Раиса... Проклятая рука! Она была отвратительно ледяной и хотела раздавить меня... О, этот холод и теснота саркофага... стужа и тяжесть Египта незапамятных времен!.. Рука эта была самим Египтом, сумеречным и замогильным... Эта желтая лапа... Недаром о Хефрене говорят такие вещи...

Тут я начал приходить в себя; во всяком случае, теперь я уже не всецело находился во власти грез. Я вспомнил и поединок на вершине пирамиды, и нападение вероломных бедуинов, и жуткий спуск на веревке в бездну колодца, прорубленного в скале, и бешеные взлеты и падения в ледяной пустыне, источающей одновременно гнилостное зловоние и благоухание. Я понял, что лежу на сыром каменном полу и что веревки впиваются в меня с прежней силой. Было очень холодно, и мне чудилось, будто меня овеивает некое тлетворное дуновение. Раны и ушибы, причиненные мне неровными стенами каменной шахты, нестерпимо ныли и жгли, болезненность их усугублялась какой-то особенной едкостью упомянутого сквозняка, и поэтому одной попытки пошевелиться хватило, чтобы все мое тело пронзило мучительной пульсирующей болью.

Ворочаясь, я ощутил натяжение веревки и сделал вывод, что верхний ее конец по-прежнему выходит на поверхность. Находится ли он в руках арабов или нет, я не знал; не ведал я и того, на какой глубине нахожусь. Я знал наверняка лишь одно: что меня окружает полный или почти беспросветный мрак, ибо ни единый проблеск света не проникал сквозь мою повязку. С другой стороны, я не настолько доверял своим чувствам, чтобы ощущение большой продолжительности спуска, испытанное мною, принимать за свидетельство непомерной глубины.

Исходя из того, что я, судя по всему, находился в довольно просторном помещении, имеющем выход на поверхность через отверстие, расположенное прямо над моей головой, можно было предположить, что темницей для меня послужил погребенный глубоко под землей храм Хефрена, тот, что называют Храмом Сфинкса; возможно, я попал в один из тех коридоров, которые скрыли от нас наши гиды в ходе утренней экскурсии и откуда я смог бы легко выбраться, если бы мне удалось найти дорогу к запертому входу в коридор. В любом случае мне предстояло блуждать по лабиринту, но вряд ли настоящая ситуация была труднее тех, в которые я уже не раз попадал.

Первым делом, однако, следовало избавиться от веревки, кляпа и повязки на глазах. Я полагал, что операция эта не представит для меня большой сложности, поскольку за время моей долгой и разнообразной карьеры в качестве артиста-эскаписта гораздо более изощренные эксперты, нежели эти арабы, испробовали на мне весь мировой ассортимент уз, пут и оков и ни разу не преуспели в состязании с моими методами.

Потом я вдруг сообразил, что, когда я начну освобождаться от веревки, она придет в движение, и арабы, если они, конечно, держат в руках ее конец, поймут, что я пытаюсь сбежать, и встанут у входа, чтобы встретить и атаковать меня там. Правда, соображение это имело вес лишь в том случае, если я действительно находился в хефреновском Храме

Сфинкса. Отверстие в потолке, где бы оно ни скрывалось, вряд ли могло находиться на слишком большом расстоянии от современного входа рядом со Сфинксом, если, конечно, речь вообще могла идти о каких-либо значительных дистанциях, ибо площадь, известная посетителям пирамид, отнюдь не велика. Во время своего дневного паломничества я не заметил ничего похожего на это отверстие, но вещи такого рода очень легко проглядеть среди песчаных заносов.

Скорчившись на каменном полу со связанными руками и ногами и предаваясь вышеописанным размышлениям, я почти забыл обо всех ужасах своего головокружительного спуска в пропасть, который еще совсем недавно довел меня до беспомощности. Мысли мои были заняты лишь одним: как пережить арабов. И тогда я решил немедленно приступить к делу и освободиться от пут как можно скорее, при этом не натягивая веревки, чтобы не дать арабам даже намека на то, что я пытаюсь сбежать.

Принять решение, однако, оказалось намного легче, чем осуществить его. Несколько пробных движений убедили меня в том, что без изрядной возни многого не добьешься, и, когда после одного особенно энергичного усилия я почувствовал, как рядом со мной и на меня падает, сворачиваясь кольцами, веревка, я несколько не удивился. «А чего ты хотел? — сказал я себе. — Бедуины, конечно же, заметили твои движения и отпустили свой конец веревки. Теперь они, вне всякого сомнения, поспешат к подлинному входу в храм и будут ждать тебя там в засаде с самыми кровожадными намерениями».

Перспектива рисовалась неутешительная, но в жизни своей я сталкивался с худшим — и не дрогнул, так что не должен был дрогнуть и теперь. В первую очередь надо было развязаться, а потом уже положиться на свое искусство и постараться выбраться из храма целым и невредимым. Сегодня меня даже смешит та безоговорочность, с которой я убедил себя в том, что нахожусь в древнем храме Хефрена на довольно небольшой глубине.

Убежденность моя рассыпалась в прах, и все первобытные страхи, связанные со сверхъестественными безднами и демоническими тайнами, восстали во мне с удвоенной силой, когда я вдруг обнаружил, что в то самое время, пока я хладнокровно обдумываю свои намерения, одно чудовищное обстоятельство, весь ужас и значение которого я прежде не осознавал, прирастает и в том и в другом отношении. Я уже говорил, что веревка, падая, свивалась в кольца, которые складывались рядом со мной и на мне. Теперь же я вдруг понял, что она продолжает падать и свиваться, меж тем как ни одна нормальная веревка не могла бы оказаться настолько длинной. Более того, скорость падения ее возросла, и она обрушивалась на меня лавиной. На полу выростала гора пеньки, погребая меня под своими витками, число которых непрерывно множилось. Очень скоро меня завалило с головой и мне стало трудно дышать, в то время как кольца продолжали накапливаться и отбирать у меня последний воздух.

Мысли мои снова смешались. Тщетно пытался я отвести от себя угрозу, страшную и неминуемую. Ибо весь ужас моего положения заключался даже не в тех нечеловеческих муках, которые я испытывал, и не в том, что во мне по капле иссякали дух и жизненная сила, но в осознании того, что стоит за этой невообразимой длиной падающей на меня веревки и какие безмерные неведомые пространства в глубинах недр земных, должно

быть, окружают меня в этот момент. Все это означало, что бесконечный спуск и захватывающий дух полет через сатанинские бездны были реальностью и теперь я лежу без всякой надежды на спасение в каком-то безымянном запредельном мире неподалеку от центра земли. Не в силах человеческих было вынести эту ужасную, горькую правду, внезапно обрушившуюся на меня, и я снова впал в спасительное беспамятство.

Говоря о беспамятстве, я вовсе не понимаю отсутствия видений. Напротив, моя отрешенность от внешнего, реального мира сопровождалась видениями самыми чудовищными и неопишными. Боже!.. И зачем только я прочел так много книг по египтологии перед тем, как посетить эту землю, родину всемирного мрака и ужаса?! Этот второй обморок заново озарил мой дремлющий разум страшным постижением самой сути этой страны и ее сокровенных тайн, и по какой-то проклятой прихоти рока грезы мои обратились к уходящим в глубь веков представлениям о мертвых и о том, как они иногда восстают и живут, с душой и во плоти, во чреве загадочных гробниц, более напоминающих дома, нежели могилы. В памяти моей всплыло, приняв причудливый образ, которого я, к счастью, уже не помню, оригинальное и хитроумное устройство египетской погребальной камеры; припомнил я также нелепые и дикие суеверия, породившие это устройство.

Все мысли древних египтян вращались около смерти и мертвецов. Они понимали воскрешение в буквальном смысле — как воскрешение тела. Именно это побуждало их с особой тщательностью мумифицировать тело и хранить все жизненно важные органы в прикрытых сосудах рядом с усопшим. Между тем помимо тела они верили в существование еще двух элементов: души, которая после того, как ее оценивал и одобрял Осирис, обитала в стране блаженных, и темного зловещего ка, или жизненного начала, что, сея страх, странствует по верхнему и нижнему мирам, нисходя временами в погребальную часовню к сохраняемому телу, дабы отвесть жертвенной пищи, приносимой туда жрецами и набожной челядью, а иногда — чтобы войти в тело или в его деревянного двойника, которого всегда кладут рядом, и, покинув пределы гробницы, блуждать по окрестностям, верша свои темные дела.

Тысячелетиями покоились тела в помпезных саркофагах, уставив вверх свои безжизненные очи (если их не посещало ка), в ожидании того дня, когда Осирис возродит в них ка и душу и выведет легионы окоченевших мертвецов из глухих обителей сна на свет. Каким триумфом могло бы обернуться это воскрешение! Но, увы, не все души получают благословение, не все могилы останутся неоскверненными, и потому неизбежно следует ждать нелепых ошибок и чудовищных извращений. Недаром и по сей день среди арабов ходят слухи о запретных сборищах и богомерзких культах, вершимых в самых затаенных уголках нижнего мира, куда могут без страха заходить лишь крылатые невидимые ка да бездушные мумии.

Пожалуй, самые жуткие предания, заставляющие холодеть кровь в жилах, — это те, что повествуют о неких прямо-таки бредовых произведениях деградировавшего жреческого искусства. Я имею в виду *составные мумии*, представляющие собой противоестественные комбинации человеческих туловищ и членов с головами животных и призванные имитировать древнейших богов. Во все периоды египетской

истории существовала традиция мумифицирования священных животных — быков, кошек, ибисов, крокодилов и так далее, с той целью, чтобы в назначенный момент они могли вернуться в мир. Но лишь в период упадка древней египетской культуры возникла тенденция к составлению мумий из человека и животного — тогда, когда люди перестали понимать истинные права и прерогативы ка и души.

О том, куда подевались те *составные мумии*, легенды умалчивают; определенно можно сказать лишь то, что до сих пор их не находил ни один египтолог. Молва арабов на этот счет слишком походит на досужие домыслы, чтобы относиться к ней всерьез. Ведь они в своих утверждениях доходят до того, что будто бы старый Хефрен — тот, что имеет отношение к Сфинксу, Второй пирамиде и зияющему входу в храм, — до сих пор живет глубоко под землей со своей супругой, царицей злых духов-гулей Нитокрис, и повелевает мумиями, не похожими ни на людей, ни на зверей.

Все это стало предметом моих грез: Хефрен, его царственная половина, причудливое сонмище гибридных мертвецов, — и, правду сказать, я очень рад, что все сколько-нибудь отчетливые детали этих грез выветрились из моей памяти. Самое кошмарное из моих видений имело непосредственное отношение к праздному вопросу, которым я задавался накануне, когда глядел на высеченное в скале лицо Сфинкса, эту вечную загадку пустыни; глядел и спрашивал себя, в какие неведомые глубины ведут потайные ходы из храма, расположенного близ Сфинкса. Вопрос этот, казавшийся мне в тот момент таким невинным и пустяковым, приобрел в моих снах характер навязчивой идеи: так какое же исполинское, противоестественное и отвратительное чудовище изначально изображали черты лица Сфинкса?

Мое второе пробуждение, если его можно назвать пробуждением, сохранилось в памяти как мгновение беспредельного ужаса, подобного которому — и еще тому, что было пережито мною после, — я не испытывал за всю свою жизнь, а жизнь моя была насыщена перипетиями сверх всякой человеческой меры. Напомню, что я лишился чувств в тот момент, когда на меня каскадом обрушивалась веревка, что свидетельствовало о непомерной глубине, на которой я находился. Так вот, придя в сознание, я не ощутил на себе никакой тяжести и, перевернувшись на спину, убедился в том, что, пока я лежал в обмороке — связанный, с кляпом во рту и повязкой на глазах, — *какая-то неведомая сила полностью удалила навалившуюся на меня и почти задушившую меня гору пеньки*. Правда, осознание всей чудовищности того, что произошло, пришло ко мне не сразу, но оно довело бы меня до очередного обморока, если бы к этому моменту я не достиг той степени духовного изнеможения, что никакое новое потрясение уже не могло его усугубить. Итак, я был один на один... с чем?

Впрочем, я не успел хоть сколько-нибудь об этом поразмыслить, чем, вероятно, только бы измучил себя перед новой попыткой освободиться от пут, как о себе заявило еще одно обстоятельство, а именно: страшная боль, какой я не испытывал ранее, терзала мои руки и ноги, и все тело мое, казалось, было покрыто толстой коркой засохшей крови, что никак не могло явиться результатом моих прежних порезов и ссадин. Грудь мою также саднило от ран — как будто ее исклевал какой-то гигантский кровожадный ибис. Что бы ни представляла собой та сила, что убрала веревку, она явно была настроена ко мне враждебно и, вероятно, нанесла бы мне и более серьезные повреждения, если бы что-то

ее не остановило. Можно было ожидать, что после всего этого я окончательно паду духом, однако все вышло как раз наоборот, и, вместо того чтобы впасть в бездну отчаяния, я ощутил себя готовым к борьбе. Теперь я знал, что преследующие меня злые силы имеют физическую природу, с которыми бесстрашный человек может сразиться на равных.

Ободренный вышеприведенным соображением и используя весь опыт, накопленный мною в течение жизни, я принялся распутывать веревку, как часто делал это в ослепительном свете огней под бурные аплодисменты толпы. Привычные подробности процесса освобождения совершенно завладели моим вниманием, и теперь, когда веревка, которой я еще недавно был спеленат, как младенец, постепенно сходила с меня, я вновь почти уверовал в то, что все пережитое мною представляло собой обыкновенную галлюцинацию, и никогда не было ни этого ужасного колдовца, ни головокружительной бездны, ни бесконечной веревки, и лежал я теперь не где-нибудь, а во входном храме Хефрена возле Сфинкса, куда, пока я был в обмороке, прокрались вероломные арабы, чтобы подвергнуть меня истязанию. Тем более мне следовало поторопиться с распутыванием. Дайте мне только встать на ноги без кляпа и повязки на глазах, чтобы я мог видеть свет, откуда бы он ни исходил, и тогда я даже буду рад сразиться с любым врагом, каким бы злым и коварным он ни оказался!

Как долго я распутывался, сказать трудно. Во всяком случае, на публике, когда я не был ни изранен, ни изнурен, как теперь, я справлялся с этим значительно быстрее. Но вот наконец я освободился и вздохнул полной грудью. Дурной запах, витавший в сыром и холодном воздухе, показался мне теперь еще более смрадным, нежели прежде, когда кляп и края повязки мешали мне обонять его в полной мере. Ноги мои затекли, во всем теле ощущалась невероятная усталость, и я был не в состоянии тронуться с места. Не знаю, долго ли я так пролежал, пытаясь распрямить члены, значительное время пребывавшие в неестественно искривленном состоянии, и напряженно всматриваясь в темноту в надежде уловить хотя бы проблеск света и определить свое местонахождение.

Постепенно к моему телу возвратились сила и гибкость, однако глаза мои по-прежнему ничего не различали. С трудом поднявшись на ноги, я осмотрелся по сторонам — кругом был мрак столь же непроницаемый, как тот, в котором я пребывал с повязкой на глазах. Я сделал несколько шагов; измученные ноги едва слушались меня, и все же я убедился, что могу идти, так что оставалось только решить, в каком направлении. Ни в коем случае нельзя было двигаться наобум, поскольку я мог уйти в сторону, прямо противоположную той, где находился искомый выход. Поэтому я остановился и постарался определить, откуда исходит холодное, наполненное запахом натрадуновение, которое я все это время не переставал чувствовать. Предположив, что источником сквозняка, вероятно, является вход в подземелье, я решил ориентироваться по нему и двигаться строго в ту сторону, откуда он исходил.

Отправляясь накануне вечером на прогулку, я захватил с собой коробок спичек и маленький электрический фонарик, но после всех пережитых встрясок в моих карманах — точнее, в тех лохмотьях, что от них остались, — не сохранилось ни одного сколько-нибудь крупного предмета. Чем дальше я продвигался, тем явственнее становилась тяга и назойливей запах, пока наконец я совершенно не уверился в том, что

иду навстречу зловонному испарению, струящемуся из какой-то дыры, наподобие сказочного джина, что являлся рыбаку в виде клубов дыма, вырывающихся из кувшина. О Египет, Египет... Воистину, темна эта колыбель цивилизации и вечный источник невыразимых ужасов и несказанных чудес!

Чем больше я размышлял над природой подземного воздушного потока, тем сильнее во мне росло беспокойство. Если раньше я, почти не задумываясь над тем, почему у него такой запах, предполагал, что источником его является какой-нибудь, пусть даже не прямой, выход во внешний мир, то сейчас я абсолютно уверился в том, что это смрадное испарение не имеет ничего общего с чистым воздухом Ливийской пустыни и что в нем нет ни малейшей примеси последнего. Мне стало ясно, что это смердят какие-то мрачные бездны, расположенные еще глубже под землей, и что, следовательно, я избрал неверное направление.

После минутного раздумья я решил не менять своего выбора и продолжил следовать тем же курсом. Как бы там ни было, сквозняк оставался моей единственной надеждой, ибо каменный пол, однообразный даже в своей неровности, не давал мне никаких ориентиров. Двигаясь же навстречу этому таинственному испарению, я рано или поздно должен был добраться до какой-либо дыры или щели, а соответственно, и до стены, и затем, следуя вдоль нее, достигнуть противоположного конца этого грандиозного чертога. Я прекрасно понимал, что все расчеты мои могут оказаться неверными — ведь даже если я действительно находился во входном храме Хефрена, то попал в ту его часть, куда не водят туристов. Более того, могло случиться, что именно этот зал был неизвестен даже археологам и одни только подлые арабы, которые всюду суют свой нос, случайно наткнулись на него и решили использовать его в качестве темницы для меня. Если так, то мог ли я вообще рассчитывать найти выход если не наружу, то хотя бы в какую-нибудь другую, известную часть храма?

Если разобраться, я не имел никаких доказательств в пользу того, что нахожусь во входном храме. На мгновение все самые чудовищные из моих прежних догадок нахлынули на меня, мешаясь с действительными впечатлениями. Я живо представил себе и свой спуск, и парение в пространстве, и веревку, и раны, и грезы — да-да, грезы, теперь я точно это знал! Так неужели мне и вправду пришел конец? И может быть, умереть именно теперь, в этот самый момент было бы для меня даже величайшим благом? Ни на один из этих вопросов не мог я найти ответа и механически продолжал свой путь, пока Судьба в третий раз не принудила меня к забвению.

На этот раз внезапность случившегося лишила меня не только сознания, но и подсознания. В том месте, где встречный напор сквозняка усилился настолько, что я с трудом преодолевал его сопротивление, начинался ряд уходящих вниз ступеней, о чем я тогда, разумеется, не подозревал. Делая очередной шаг, я опустил ногу на первую ступеньку, расположенную ниже уровня пола, потерял равновесие и кубарем покатился с лестницы в зловещую бездну беспросветного мрака.

Если я не испустил дух, то лишь благодаря своему крепкому здоровью и кошачьей живучести. Оглядываясь на события той памятной ночи, я иногда просто не могу удержаться от смеха, когда представляю себе эти периодически повторяющиеся

обмороки; их регулярность невольно заставляет меня вспомнить дешевые киномелодрамы тех лет. Не исключено, что никаких потерь сознания не было вовсе и что все подробности моего подземного кошмара были всего лишь эпизодами одного длительного бреда, начавшегося в результате душевного потрясения, вызванного падением в пропасть, и закончившегося благодаря целительному воздействию открытого воздуха и солнца, восход которого застал меня распростертым на горячих песках Гизы под сардоническим ликом Великого Сфинкса, розовеющим в рассветных лучах.

Я изо всех сил стараюсь придерживаться этого последнего объяснения. Я испытал большое облегчение, когда в полиции мне сообщили, что решетка, преграждающая вход в храм Хефрена, была обнаружена незапертой и что недалеко от входа действительно имеется довольно широкая расщелина, которая ведет в еще не раскопанную часть храма. Не меньшее облегчение доставили мне уверения докторов в том, что полученные мною раны естественны в такой ситуации, когда тебя хватают, связывают, бросают в колодезь, когда тебе приходится избавляться от пут, падать со значительной высоты (возможно, в какую-то яму во внутренней галерее храма), ползти к выходу, выбираться наружу и так далее... Ничего не скажешь, очень утешительный диагноз! И все-таки я убежден, что все не так просто, как выглядит на первый взгляд. То незабываемое падение в бездну и по сей день представляется мне так, как будто случилось вчера, и я не могу просто взять и выбросить его из головы. Еще на большие сомнения наводит меня тот факт, что так и не был найден человек, приметы которого совпадали бы с приметами моего проводника Абдула Раиса эль-Дрогмана, говорившего замогильным голосом и напоминавшего внешним видом и усмешкой покойного фараона Хефрена.

Я вижу, что отступил от последовательного изложения фактов — вероятно, я сделал это в слабой надежде на то, что мне удастся избежать пересказа финальной сцены, имевшей наибольшее сходство с галлюцинацией, нежели все предыдущие. Но я обещал рассказать все до конца, а нарушать обещания не в моих правилах. Когда я очнулся — если только я действительно очнулся — после падения с тех черных каменных ступеней, я был по-прежнему один и в полной темноте. Зловонное испарение, изрядно досаждавшее мне и ранее, перешло теперь все границы, однако я уже настолько успел к нему привыкнуть, что переносил эту пытку стоически. Инстинктивно я начал отползать прочь от его источника; мои окровавленные пальцы ощущали под собой огромные плиты, составлявшие пол грандиозного помещения, в котором я находился. Пятясь, я ударился головой обо что-то твердое; нащупав предмет рукой, я понял, что это основание колонны — колонны невероятных размеров, — на поверхности которой были высечены гигантские иероглифы, хорошо различимые на ощупь.

Продолжая отступать, я наткнулся еще на несколько колонн, столь же громадных, как и первая; промежутки между ними были непомерно велики. Внезапно мое внимание было привлечено одним явлением, действие которого на мой слух началось, по всей видимости, значительно раньше, нежели его уловил мой рассудок.

Откуда-то снизу, из глубины, из самых недр земных доносились мерные и отчетливые звуки, разительно отличавшиеся от всего, что мне когда-либо доводилось слышать. Почти интуитивно ощутил я глубокую древность и явно обрядовый характер этих звуков,

а мои познания в египтологии вызвали во мне ассоциации со звуками флейты, самбуки, систра и тимпана. В этом ритмичном гудении, свисте, стуке и треске мне почудился какой-то леденящий душу ужас, превосходящий любой из земных ужасов; нечто до странности непохожее на индивидуальный человеческий страх, как бы некое безликое соблезнование всей нашей планете в целом — соблезнование по поводу того, что ей приходится скрывать в своих недрах такие чудовищные, такие кошмарные вещи, существование которых возвещалось всей этой адской какофонией. Звуки становились все громче, и мне стало ясно, что они приближаются. Вдруг — о боги всех пантеонов мира, сойдите воедино и охраните мой слух от подобного впредь! — вдруг я расслышал, как где-то в отдалении едва слышно раздаётся мертвящая душу маршеобразная *поступить шагающих*.

Жутко становилось уже оттого, что звуки шагов, столь несхожие между собой, сочетались в идеальном ритме. Муштра нечестивых тысячелетий стояла за этим шествием обитателей сокровенных земных глубин — шагающих, бредущих, крадущихся, ползущих, мягко ступающих, цокающих, топающих, грохочущих, громыхающих... и все это под невыносимую разноголосицу издевательски настроенных инструментов. Неужели... Господи, сделай так, чтобы я забыл все эти жуткие арабские легенды! Бездушные мумии... сборище странствующих ка... орда мертвецов сорокавековой истории страны фараонов, будь они прокляты!.. *Составные мумии*, шествующие в непрогляднейшем мраке подземных пустот во главе с царем Хефреном и его верной супругой Нитокрис, царицей злых духов-вампинов...

Процессия неумолимо приближалась. О небо! Избавь меня от этих звуков, от стука этих ног и копыт, от шуршания этих лап, от скрежета этих когтей, — я слышу их все отчетливее! Вдали, на необъятных просторах этой уходящей в бесконечность площади замерцал, заколыхался на отравленном сквозняке отблеск света, и я счел за благо укрыться за подножием колонны-колосса, чтобы хоть на время оградиться от ужаса, что надвигался на меня миллионами ног, проходивших маршем по гигантскому залу — средоточию нечеловеческого страха и уму непостижимой древности. Свечение усилилось; грохот шагов и нестройный ритм достигли такой громкости, что мне стало дурно. Предо мною в мерцающем оранжевом свете постепенно вырисовывалась картина, исполненная такой пугающей величественности, что я на время забыл свой страх и отвращение и открыл в изумлении рот... Какой же высоты должны достигать эти колонны, если уже одни основания их настолько колоссальны, что Эйфелева башня в сравнении с любой из них будет выглядеть, как спичечный коробок? И что это были за руки, которые высекли иероглифы на основаниях колонн в этой грандиозной пещере, где свет дня представляется слабой, неудачной выдумкой?

Я просто *не стану* на них смотреть. Как за спасительную соломинку, ухватился я за это решение, когда, замирая от страха, услышал, как скрипят их суставы, как отвратительно они хрипят, заглушая и унылую мертвую музыку, и свою однообразную, размеренную поступь. Хорошо еще, что они безмолвствовали... Но боже! *Их богомерзкие факелы стали отбрасывать тени на поверхность этих умопомрачительных колонн! Нет, нет, только не это!!! Где это видано, чтобы у гиппопотамов были человеческие руки и в них — факелы?... Чтобы у людей были головы крокодилов?...*

Я отвернулся, чтобы ничего этого не видеть, но увы! — тени, звуки, нечистые запахи были повсюду. Я вспомнил способ, которым в детстве, находясь в мучительном промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, отгонял преследовавшие меня кошмары, и стал повторять про себя слова: «Это мне снится! Это всего лишь сон!» Но все мои усилия были тщетны, и мне ничего не оставалось, как только закрыть глаза и молиться... Во всяком случае, мне кажется, что именно так я и сделал, ибо никогда нельзя быть уверенным, когда пересказываешь свои видения, а что все случившееся было не более чем видением, я знаю сегодня наверняка.

Не переставая думать о том, как бы мне выбраться отсюда, я временами украдкой приоткрывал глаза и озирался по сторонам, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь, кроме уходящих в необозримую вышину колонн и этих неестественных, карикатурных, причудливых, кошмарных теней в потоках гнилостных испарений. Сноп огня, треща, вырывались из факелов, количество которых все прибывало, и вскоре все помещение было залито ослепительно ярким светом, так что если бы оно не было полностью лишено стен, то я рано или поздно увидел бы его предел. Но тут мне снова пришлось закрыть глаза — я просто не мог этого не сделать, когда осознал, сколько их здесь собралось, и когда увидел одну фигуру, что выступала гордо и торжественно и выделялась среди прочих *отсутствием верхней половины тела*.

Внезапно дьявольский звук, напоминавший предсмертный булькающий хрип и улюлюкающий вой одновременно, с громовым треском разорвал атмосферу склепа — атмосферу, наполненную ядовитыми испарениями и пламенем смоляных факелов, — и превратил ее в один согласный хор, исходивший из бесчисленного количества богопротивных глоток этих гротескных и уродливых фигур. Глаза мои открылись вопреки моей воле — правда, всего лишь на мгновение, но и этого мгновения было достаточно, чтобы узреть во всем объеме сцену, которую даже вообразить было бы невозможно без страха, лихорадочной дрожи и физического изнеможения. Все эти исчадия ада выстроились в одну шеренгу, лицом в ту сторону, откуда исходил ядовитый воздушный поток. При свете факелов мне были видны их склоненные головы — по крайней мере, головы тех, у кого они были. Они отправляли культ перед огромной черной дырой, изрыгающей клубы поганого, зловонного пара; две гигантские лестницы отходили от нее под прямыми углами с обеих сторон, концы их терялись в непроницаемом мраке. Лестница, с которой я упал, без сомнения, была одной из них.

Размеры дыры были выдержаны в точной пропорции с размерами колонн: обычный дом потерялся бы в ней, а любое общественное здание средней величины можно было бы легко задвинуть туда и выдвинуть обратно. Отверстие было таким огромным, что взгляд не мог охватить его целиком, — огромным, зияющим угольной чернотой и испускающим отвратительное зловоние. Прямо к порогу этого разверстого входа в жилище Полифема они бросали какие-то предметы — судя по всему, жертвоприношения. Впереди всех стоял Хефрен, надменный царь Хефрен, он же проводник Абдул Раис, в золотом венце и с презрительной усмешкой на устах; заупокойным голосом он нараспев произносил монотонные слова заклинаний. Рядом с ним преклонила колени прекрасная царица Нитокрис; всего одно мгновение лицезрел я ее профиль — и успел отметить, что правая половина лица ее была съедена крысами или какими-то другими плотоядными тварями. И снова я был вынужден закрыть глаза —

вынужден потому, что увидел, *какие предметы* предлагаются в качестве жертвоприношений этой зловонной дыре и обитающему в ней местному божеству.

Судя по той церемонности и торжественности, с которой отправлялся обряд, то, что скрывалось во мраке дыры, почиталось чрезвычайно высоко. Что это было за божество — Осирис? Исида? Гор? Анубис? или, быть может, какой-то грандиозный и неведомый Бог Мертвых? Ведь существует же предание, что еще задолго до того, как стали почитать известных ныне богов, воздвигались чудовищные алтари и колоссы Неведомому.

Теперь, когда я уже настолько закалился духом, что мог без содрогания смотреть на то, как эти твари справляют свой истовый загробный культ, мысль о побеге снова пришла мне в голову. Зал был залит тусклым светом, колонны отбрасывали густую тень. Пока эти гротескные персонажи дурного сна были всецело поглощены своим леденящим душу занятием и сосредоточенно священнодействовали, у меня еще было время проскользнуть к дальнему концу одной из лестниц и взойти по ней незамеченным; а там, когда я достигну верхних пределов, судьба и мастерство авось да и выведут меня на свет божий. О том, где же я все-таки нахожусь, я по-прежнему не имел понятия — да, признаться, и не задумывался об этом. Был момент, когда мне даже показалось забавным, что я так серьезно обдумываю побег из своего собственного сна — ибо чем еще могло быть то, что меня окружало? Не исключено, впрочем, что местом моего погребения служила какая-то никому не известная подвальная часть входного храма Хефрена, того самого, который в течение поколений традиция упорно именуется Храмом Сфинкса. Однако я не мог тратить времени на догадки и потому решил положиться на силу своих мускулов и быстроту реакции, надеясь, что они вернут меня в наружный мир в здравом рассудке.

Извиваясь, как червь, я пополз по-пластунски к подножию левой лестницы, которая показалась мне более доступной. Не стану утомлять читателя описанием подробностей своего трудоемкого пути и ощущений, которые я испытал; о них легко можно догадаться, если принять во внимание тот отвратительный спектакль, который разыгрывался предо мной в зловещем колеблющемся свете факелов и который, чтобы не быть обнаруженным, я вынужден был постоянно держать в поле зрения. Как я уже говорил, нижний конец лестницы терялся в густом мраке; сама она круто возносилась вверх, не делая никаких поворотов, и заканчивалась площадкой с парапетом, расположенной на головокружительной высоте прямо над исполинским дверным проемом. Таким образом, последний этап моего многотрудного пути пролегал на приличном расстоянии от нечестивого ритуала. Тем не менее лицемерие сборища приводило меня в трепет и тогда, когда оно осталось далеко по правую руку от меня.

С горем пополам добравшись до ступеней, я пополз наверх, стараясь держаться ближе к стене, покрытой росписями самого отталкивающего характера. Поручкой моей безопасности являлось то всепоглощающее, восторженное внимание, с которым эти чудовища вперяли глаза в извергающую клубы нечистот клоаку и в непотребную жертвенную пищу, что была разложена на каменном полу перед ней, как на алтаре. Крутая громада лестницы была сложена из грандиозных порфировых блоков, как если бы она предназначалась для ступней исполина; я поднимался по ней, казалось, целую вечность. Боязнь быть обнаруженным в сочетании с чудовищной болью от ран,

возобновившейся в результате прилагаемых усилий, превратили мое восхождение в одну долгую мучительную пытку, воспоминание о которой по сей день причиняет мне почти физическую боль. Я решил, что, достигнув площадки, не стану задерживаться на ней ни секунды, но сразу продолжу свой путь вверх по первой попавшейся лестнице, если, конечно, таковая попадетсЯ. Я не испытывал ни малейшей охоты окидывать прощальным взором толпу богомерзких отродий, шаркавших лапами и преклонявших колени в 70–80 футах подо мной. Однако в тот момент, когда я уже всходил на площадку, вновь раздался оглушительный хор мертвенных булькающих хрипов и надтреснутых голосов. Судя по его церемонному звучанию, он не являлся признаком того, что меня обнаружили, и потому я нашел в себе смелость остановиться и осторожно выглянуть из-за парапета.

Оказалось, что таким своеобразным способом собравшиеся приветствовали того, кто наконец-то высунулся из отвратительной дыры, чтобы взять приготовленную для него сатанинскую пищу. Даже с высоты моего наблюдательного пункта обитатель норы производил впечатление чего-то громадного; это было нечто грязно-желтое, косматое, с необычной, как бы судорожной манерой двигаться. Величиной он был, пожалуй, с доброго гиппопотама, но внешний вид имел особый. Казалось, у него нет шеи: пять отдельных лохматых голов росли в один ряд прямо из туловища, имевшего форму неправильного цилиндра; первая из них была меньше остальных, вторая — средней величины, третья и четвертая — одного размера и самые крупные, пятая — довольно маленькая, хотя и покрупнее первой.

Из голов стремительно вылетали своего рода щупальца; словно ястребы, они набрасывались на разложенную на полу непотребную пищу и хватали ее непомерно большими порциями. Временами чудовище как бы прядало вверх, временами удалялось в свое логово посредством весьма необычных маневров. Его манера двигаться была настолько странной и необъяснимой с точки зрения здравого смысла, что я глядел на него как зачарованный и страстно желал, чтобы оно показалось целиком.

И оно *показалось*... Оно показалось, и в ту же секунду я в ужасе отвернулся и бросился вверх по лестнице, что вздымалась за моей спиной и уходила во тьму. Я мчался без оглядки, взбегая по каким-то немислимым ступеням, карабкаясь по приставным лестницам, с трудом удерживая равновесие на наклонных плоскостях; мчался туда, куда меня не вели ни логика, ни обычное человеческое зрение, но, вероятно, лишь законы царства бредовых видений — иного объяснения я не нахожу и не найду вовек. Такое могло происходить лишь во сне, иначе восход солнца не застал бы меня живым на песках Гизы под сардоническим ликом Великого Сфинкса, розовеющим в рассветных лучах.

Великий Сфинкс! Боже! Вот праздный вопрос, который я задавал себе в то благословенное солнечное утро: какое исполинское и отвратительное чудовище призваны были изображать первоначальные черты лица Сфинкса? Будь проклято то зрелище, во сне ли оно было, наяву ли, в котором мне явился предельный, абсолютный ужас — неведомый Бог Мертвых, облизывавшийся в предвкушении поживы в своем огромном жутком логове и получавший богомерзкие лакомства из рук бездушных

тварей, которые не имеют права на существование... Пятиглавый монстр, высунувшийся из норы... *Этот пятиглавый монстр величиной с гиппопотама был всего лишь передней лапой!..*

Но я остался жив и знаю, что это был всего лишь сон.

Перевод: Олег Мичковский

1992 год